

Образ воды в традиционных обрядах и песнях Западного Подолья

ОЛЕГ СМОЛЯК, ПАВЛО СМОЛЯК, ОКСАНА ДОВГАНЬ

Тернопольский национальный педагогический университет имени Владимира Гнатюка

АННОТАЦИЯ. В статье освещен образ воды в традиционных обрядах и песнях Западного Подолья. Отмечено, что у славян было распространено поклонение воде, и они приносили жертвы рекам, озерам, колодцам или источникам. Наши предки верили, что вода очищает человека от грехов, поэтому молились над реками, чтобы сбросить в воду свои грехи и потопить их.

Проанализировано применение воды в традиционном мировоззрении западных подолян. Частое использование воды с магическими целями объясняется ее очистительным действием и традиционно религиозными представлениями местных жителей о целебном влиянии на все окружающие вещи и предметы. Важным атрибутом лечебной и хозяйственной магии считалась освященная «иорданская» вода, которая была сильным оберегом от всякой нечисти.

На основе сборников разножанровых песен охарактеризован термин «дунай» в народных песнях Западного Подолья. Вода–дунай часто персонифицируется в форме стихий – дождя, грозы, снега, а также выступает своеобразной интимной гранью между влюбленными людьми.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ воды, Западное Подолье, народно-поэтическое творчество, мировоззрение, песенные сборники, национальная культура.

ВСТУПЛЕНИЕ

Календарно-бытовой и обрядовый фольклор украинцев, который на протяжении многолетней истории испытывал много наслоений и обновлений, всегда привлекал внимание украинских и зарубежных ученых. Этот интерес стал особенно заметным в период становления государственности, независимости и национально-духовного возрождения Украины. Анализ фольклорных материалов, записанных предшественниками, позволил в определенной степени реконструировать и осмыслить архаичные формы традиционного творчества и отдельных ее неотъемлемых элементов. На Западном Подолье, являющемся частью Подольского края и охватывающем

почти всю административную территорию Тернопольской области, традиционные обряды и песни сохранились сравнительно хорошо. И поэтому их изучение в большой степени способствует установлению истоков древних традиций в контексте национальной духовной культуры.

В украинской фольклористике и этнологии нет фундаментальных исследований, посвященных образу воды в традиционных обрядах и песнях Западного Подолья и детализированно раскрывающих данный образ. В ходе формирования и публикаций сборников о традиционных обрядах и песнях на Западном Подолье накоплено большое количество материала, связанного с образом воды. В собранных исследователями и учеными полевых материалах по традиционным обрядам, в песнях западных подолян можно встретить описания ритуальных действий, связанных с водой. В этнографических работах А. Потєбни, П. Чубинского, М. Драгоманова, В. Гнатюка, С. Килимника, А. Воропая, Н. Велецкой зафиксированы обрядовые действия, передающие почитание воды, однако эта фиксация не детализирована, не осмыслена, нет и конкретизации отношения к воде как к божественной силе, так как ученые обращали внимание прежде всего на обрядовые действия, связанные с водой. В сборниках записей народных песен Ф. Колессы, А. Дея, А. Ясенчука, А. Иваницкого, М. Шубравской, Н. Шумады, С. Стельмашука, П. Медведика также нет пояснений, касающихся осмысления образа воды в фольклоре, лишь фигурируются синонимы слова «вода» в определенном диапазоне: вода-река, вода-море, вода-океан. Детальное изучение образа «воды-дуная» все еще отсутствует в украинской фольклористике и этнологии, что актуализирует тему данной статьи.

Объект исследования – традиционная обрядность жителей Западного Подолья и песни, которые являются ее составной частью, и их сравнение с аналогами из смежных и отдаленных этнографических регионов. *Предмет статьи* – фольклорные и этнографические источники, позволившие провести разноаспектный анализ образа воды как неотъемлемого компонента в повседневной жизни человека. *Цель исследования* – проанализировать образ воды в западноподольских традиционных обрядах, особенно зимних, а также в песнях, в которых присутствуют ее синонимичные определения. Цель исследования обусловила следующие задачи: 1) рассмотреть источники и литературу, в которых вода представлена как важный элемент ритуально-обрядового действия; 2) раскрыть значение воды в зимней календарной обрядности западноподольских жителей с определением доминирования ее функций среди других элементов этих праздников; 3) охарактеризовать фрагменты песенных произведений, в которых встречаются синонимичные признаки воды, и их значение в мировоззренческих представлениях местных жителей.

Географические границы исследования – историко-этнографический регион Подолья, в частности его западная часть. По современному административному делению эта территория охватывает Збаражский, Подволочиский, Гусятинский, Борщевский, Залещицкий, Чертковский, Теребовлянский, Бучацкий, Тернопольский, Зборовский, Козивский районы, восточную часть Монастырского, Подгаецкого, Бережанского районов Тернопольской области, а также юго-восточную часть Золочевского района Львовской области.

Хронологические рамки исследования определены периодом с первой половины XIX до начала XXI века. Акцентируется внимание на второй половине XIX–первой половине XX века, поскольку в этот период в научной литературе зафиксировано наибольшее число материалов, освещающих предмет исследования.

Теоретической основой статьи стали научные работы украинских и зарубежных ученых-этнологов и фольклористов – А. Потебни, П. Чубинского, М. Драгоманова, Н. Костомарова, В. Гнатюка, С. Килимника, А. Воропая, С. Плачинды, А. Кононенко, А. Будиловича, Н. Велецкой, а также собранные непосредственно от местных жителей на территории Западного Подолья ценные полевые материалы, ориентирующие в исследовании эволюции обрядового творчества и в семантике обрядовых действий. основополагающими в статье являются тезисы о непрерывности обрядового творчества в том или ином этнографическом массиве, а также о коммуникативных особенностях их функционирования, роли социокультурных факторов в процессе становления и развития традиционной обрядовой культуры.

Для выяснения теоретических аспектов и решения основных задач в статье использованы следующие методы: историко-обзорный, сравнительный, функциональный, географический, реконструктивный.

Научная новизна статьи заключается в том, что в украинской фольклористике и этнологии на региональном уровне не были затронуты вопросы, связанные с исследованием образа воды в традиционных обрядах и песнях. Авторы работ, посвященных Западнему Подолью, рассматривали только функционирование воды в иорданской обрядности и в других ритуальных действиях календарного цикла, обращали внимание преимущественно на священнодействие воды и использование ее в различных хозяйственных и жизненных практиках. В календарно-обрядных и бытовых песнях данной местности встречается термин «вода-дунай» без теоретического его толкования. Поэтому тема исследования, которую мы выбрали, является новой и вносит подробное объяснение относительно толкования этого термина в целом.

ПРИМЕНЕНИЕ ВОДЫ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ЗАПАДНЫХ ПОДОЛЯН

Как свидетельствуют древние письменные источники, у славян было распространено поклонение воде и водным источникам. Например, в «Слове о полку Игореве» реки Дон, Донец, Днепр, Стугна предстают как живые существа (Слово... 1986: 85). Наши предки искренне верили, что вода очищает человека от грехов, поэтому молились над реками при полной луне, чтобы сбросить в воду свои грехи и утопить их в ней навсегда.

В историко-религиозной монографии митрополита Илариона говорится: «Византийский историк X века Лев Диакон рассказывает, что воины нашего князя Святослава (умер 972), похоронив убитых, бросали в Дунай как жертву воде петухов и младенцев» (Иларіон митрополит 1994: 41). В данной цитате словосочетание «бросали в Дунай» означает «бросать в воду», так как термин «Дунай» – это синонимическое обозначение воды. Об обожествлении воды говорят и другие исторические документы. В частности, в «Повести временных лет» зафиксировано, что язычники приносят жертву озерам, колодцам и растениям (Повість... 1989: 14). Древняя вставка к «Слову Григория Богослова» утверждает: «как Бог с небес дождь дает, так реку богиней называют» (Будилович 1875: 131). В данном случае дождь как водная стихия приравнен к божеству, которое в славянской мифологии называли Дана. У россиян есть также предание о Тивериадском море как первоисточнике в создании мира; но это апокрифическое предание, по мнению М. Драгоманова, основано на евангельском рассказе о чуде Иисуса Христа, произошедшем во время рыбной ловли. Этот исследователь считал, что упомянутое произведение возникло не раньше XVI в. и распространялось письменным путем, а скорее всего, россияне переняли его от болгар или с Кавказа; возможно также, что из Малой Азии через Черное море или от племен с Востока (Драгоманов 1876: 83). Даже в более позднее время (XVII в.) известный российский бунтарь Степан Разин принес жертву воде, бросив в реку Волгу свою любовницу, персидскую пленницу – княжну (Юрченко 1880: 91–92). Таким образом, указанные источники свидетельствуют, что как в украинском фольклоре и этнологии, так и в восточнославянском в целом вода осмыслялась как первооснова творения мира, воспринималась как божество, которому поклонялись и приносили жертвы. Это свидетельствует о том, что образ воды занимает существенное место в украинской традиционной культуре.

Одним из важных образов воды в народном творчестве украинцев, в том числе в западных подолян, была богиня Дана. Встречаются также ее синонимичные названия: Дивония, Дзиванна. Дана – славянская богиня воды. Наши предки почитали ее как светлую и добрую нимфу, дающую жизнь всему

живому. От имени «Дана» происходят, скорее всего, названия крупнейших славянских рек: Двина, Дунай, Дон, Днепр (Данаприс), Днестр (Данастрис) (Плачинда 1993: 22). По нашему мнению, термин «дана» составлен из двух определений: «да» – вода и «на»¹ – мать. По представлениям древних украинцев, «Дана» – это девушка или мать-река со светлым лицом, которая своим течением поет жизнерадостную песню. Она и усталого путника напоит, и рану воину умоет, и, поднявшись в небо, упадет благодатным дождем на поля» (Кононенко 1993: 52). Как видно из приведённых цитат, образ воды выступает в статусе и матери, и девушки. «Вода – по убеждению Николая Костомарова, – выражает пассивную первоначальную материю женской сущности, с которой, благодаря плодотворному прикосанию сущности мужской, возникли все вещи» (Костомаров 1992: 44). Здесь Н. Костомаров утверждает, что вода является одним из творческих начал, при касании к которому света рождается все живое. Именно поэтому образ воды часто встречается в украинском народном творчестве, в том числе на территории Западного Подолья.

В украинском фольклоре вода выступает чаще всего в образах весеннего дождя и грозовой тучи. Дождь – это проявление небесной водной стихии, а грозовая туча – одновременное сочетание двух животворящих начал: воды и света. Гром и молния, вызывающие небесный огонь, – порождения грозовой тучи, благодаря которой развивается и утверждается жизнь на земле (Потебня 2000: 33). Аналогичным образом трактовал значение небесной воды Иван Нечуй-Левицкий:

Мотивом мифа о сотворении мира, видимо, было грозовое летнее облако, над которым то светит солнце, как золотое и огнистое гнездо мифического орла, то появляется молния, с которой падает на землю жемчужная роса-дождь. И все это дает жизнь природе, пробуждает ее от мертвого сна после зимы и вызывает к неутомимому движению... (Нечуй-Левицкий 1992: 77).

Таким образом, мысли Александра Потебни и Ивана Нечуй-Левицкого совпадают. Это означает, что образ воды в форме дождевого облака встречается в украинском фольклоре чаще всего.

По народным представлениям, воду считали священной и к ней относились с уважением. Чаще всего о священных свойствах воды можно услышать в многочисленных заговорах. В них находим и остатки персонификации и обожествления воды. «Водо, Оляно, ти очищаеш луги, береги, очисти і исціли раба божого... (Вода, Оляна, ты очищаешь луга, берега, очисти и исцели раба божьего...)» (Болтарович, Скрипник 1994: 352), – говорится в одном из

1 «На» – нана, неня, как локальное название слова «мать».

распространенных на Западном Подолье заговоров от заболеваний кожи. Широкое использование воды в магических целях объясняется ее действительно очистительным действием и традиционно религиозными представлениями украинцев о целебном ее влиянии на все окружающие предметы. Особенно ценили наши предки так называемую «непочатую» (нетронутую) воду, которую набирали из трех или семи колодцев до восхода солнца. Необходимым атрибутом лечебной и хозяйственной магии украинцев считали освященную «иорданскую» воду², которая была оберегом от нечистой силы, и которой кропили дома, дворы, хозяйственные постройки и скот. Широко использовали в лечебной магии «наговорную» («нашептанную») воду, над которой произнёс молитву знахарь.

На Западном Подолье, как и во всей Украине, сохранился своеобразный рудимент жертвоприношений – обычай бросать деньги как выкуп за душу утопленника в воду, а также в святые источники. Таким образом, рациональная основа использования воды в традиционном миропонимании наших предков тесно переплеталась с целым рядом язычески-христианских верований.

В зимнем календарном цикле праздников Западного Подолья воде посвящено развернутое обрядовое действие – Крещение, Иордан (христианское название этого праздника – Богоявление Господне). Издавна среди местных жителей бытует поверье, что в полночь перед Крещением вода в реках покрывается волнами³, поэтому набранная из реки в полночь накануне этого праздника вода – целебная; крестьяне хранят её под иконами на случай ранения или тяжелой болезни. После того, как священник освятит воду, люди подходят к проруби или большой бочке и набирают воду в свою посуду. Вернувшись домой, хозяин окропляет священной водой все в доме и в хозяйстве. Перед едой обязательно пьют святую воду. После обеда девушки бежали к реке умываться в «иорданской» воде – «чтобы были розовые лица»⁴.

На Западном Подолье существовали поверья, связанные с окунанием креста в воду. Когда священник делает это, то, по верованиям людей, всякая нечистая сила выпрыгивает из реки и остается на земле до тех пор, пока какая-нибудь женщина не придет на реку стирать белье. Когда грязное белье опу-

2 Вода, освященная во время праздника Богоявления Господня (локальные названия: Иордан, Крещение).

3 Из этнографических записей О. С. Смоляка от С. М. Головецкой, 1934 года рождения (далее – г. р.), образование начальное, домохозяйки из села Золотой Поток Буцацкого района Тернопольской области. Запись сделана 28.04.2005 (личный архив Павла Смоляка; далее – ЛАПС).

4 Из этнографических записей П. О. Смоляка от О. С. Черемшинского, 1936 г. р., образование высшее, учителя из с. Велеснев Монастырского района Тернопольской области. Запись сделана 24.06.2006 (ЛАПС).

скают в воду, то вместе с ним ныряют и все черти, которые мерзли на земле. Поэтому набожные бабушки не позволяют своим невесткам стирать белье в течение недели после праздника Иордана, «чтобы больше вигибло нечистой силы от Водосвятских морозов»⁵.

По нашим наблюдениям, эти поверья хранят рудименты давности, когда местные жители хранили воду в качестве главного оберега от всякой нечисти, поскольку верили, что в период рождественского двенадцатидневия (низкого солнцестояния) злые духи ходят по земле и могут причинить людям большой вред⁶. Наилучшим оберегом от нечистой силы считали крест. Это также подчеркнула российская исследовательница зимней обрядности Наталья Велецкая: «[Д]ля щедровечерних обрядов характерный символ креста, достаточно распространенный в дохристианской обрядности» (Велецкая 1978: 198).

На Западном Подолье, как и в других, более отдаленных от него регионах, в частности, в Приднепровье и Слобожанщине, существовали верования, что во время праздника Крещения вода превращается в вино. В связи с этим уместно привести рассказ Павла Чубинского:

Однажды купец ехал во время праздника Крещения через пруд и решил напоить лошадей, но вместо воды наткнулся в проруби на вино. Набрав его в сосуд и отъехав дальше, он хотел выпить это вино, но вино превратилось в воду (Чубинский 1872: 256).

В данном случае ощутимо влияние библейского описания божественной силы воды, которая превращается из одной сущности в другую.

На Полтавщине был когда-то обычай совершать на Крещение первый объезд молодых лошадей или волов. Их объезжали до тех пор, пока они не покрывались потом, а потных кропили «иорданской» водой, «чтобы здоровые и послушные были» (Воропай 1991: 170). На Гуцульщине молодые парни водили своих девушек к проруби, «чтобы си умыла и красная была» (там же: 168). Упомянутые обряды имеют определенную аналогию с обрядовыми действиями, бытовавшими на Западном Подолье. Здесь показательна сила воды, которая дает девушкам красоту и привлекательность, а скоту силу и выносливость.

На Западном Подолье, как и во многих регионах Украины, в старину был распространён обычай купаться в воде на Крещение, чтобы быть здоровым.

5 Из этнографических записей О. С. Смоляка от М. И. Стецькив, 1926 г. р., образование высшее, учительницы из с. Коваливка Монастырского района Тернопольской области. Запись сделана 11.07.2001 (ЛАПС).

6 Из этнографических записей О. С. Смоляка от О. В. Ткачик, 1929 г. р., образование высшее, учительницы из с. Мечищив Бережанского района Тернопольской области. Запись сделана 12.10.1999 (ЛАПС).

Этот ритуал до сих пор бытует наряду с современными традициями. Обряд купания в воде сопровождался опусканием в реку деревянного креста, а парни пытались как можно быстрее его поймать. Это означало быть круглый год счастливым⁷.

После освящения воды женатые мужчины начинали стрелять из ружей. В народе это называлось «застреливать Коляду». В старину действие имело, без сомнения, иной смысл: таким образом прогоняли зиму, расстреливали все злые силы, которые оставались в воде и которые с весенним половодьем часто приносили много бед людям. Поэтому праздник Иордан, по местным верованиям, отправляют ночью, поскольку злые силы господствуют преимущественно в это время и их надо заворожить, заклясть, отвернуть от воды⁸.

Освящение воды – это древняя (еще языческая) традиция. Поэтому в старинных колядках встречается пожелание «Да будет вам Бог в дороге при каждом перевозе». Оно объясняется тем, что в древности не было мостов, паромов и каменных дорог и людям приходилось переходить реку вброд, таким же образом переводили скот. Нередко случалось, что в воде погибали скот и даже люди. Весенние бурные паводки и ледоходы были в те времена губительным явлением (Чубинский 1872: 279), поэтому весеннюю воду наши предки освящали. Название этого праздника – «Крещение» происходит от крещения Иисуса Христа в реке Иордан, а по народным верованиям, это название означает крестить воду, тем самым изгоняя из нее нечистую силу специальными обрядовыми действиями, придающими воде целебные свойства.

В древний период на Западном Подолье после принесения с иорданского богослужения святой воды ее смешивали с водой, освященной накануне – на малом водоосвящении⁹. Этой водой снова кропили дом, хлев, конюшни, скотный двор и другие сельскохозяйственные постройки, а остатки сливали в бутылку, которую хранили целый год, в основном под иконами, для лечебных нужд, применяли при родах, при отеле коров, при первом посеве. В бутылочке ставили воду к пчелам в стебник¹⁰, летом эта вода стояла среди пасеки на колоде. В последнее время эта традиция свелась лишь к окроплению дома. На праздник Иордана во время обеда все члены семьи пили святую воду, за-

7 Из этнографических записей П. О. Смоляка от Э. Н. Турчин, 1926 г. р., образование высшее, учительницы из с. Городница Подволочиского района Тернопольской области. Запись сделана 17.07.2007 (ЛАПС).

8 Из этнографических записей П. О. Смоляка от М. М. Юзефив, 1941 г. р., образование высшее, из с. Козивка Козивского района Тернопольской области. Запись сделана 02.04.2001 (ЛАПС).

9 Малое освящение воды происходило в церкви накануне праздника Богоявления Господня во время вечерней службы.

10 Помещение для хранения ульев на зиму – зимовье для пчёл.

тем промывали ею глаза, уши, лоб, грудь, шею, руки, «чтобы все тело было здоровым, как вода»¹¹.

На Западном Подолье, как и в Украине в целом, до недавнего времени у мужчин хранился обычай возвращаться с Иорданского богослужения с зажженными свечами-«троицами»¹², основным атрибутом святости (в наше время этот ритуал уже вышел из обихода). Свечи-«троицы» считали святыми и чудотворными, наделяли их свойствами отводить бурю, гром, всякие напасти и страхи. Поэтому хозяева, возвращаясь из церкви, обходили с свечками-«троицами» все хозяйство, кропили святой водой скот и выжигали ими над дверью кресты. Но прежде всего после церкви на праздник Иордана хозяева шли к пчелам: кропили их святой водой, а также выжигали над дверью стебника кресты-знаки. По словам ученого Степана Килимника, «свечи-“троицы” имели наивысшую силу огня и очищали от всего злого и плохого и отгоняли силы противостоящие» (Килимник 1994: 147). После обхода двора хозяева ставили свечи-«троицы» посреди стола, и они горели до окончания трапезы.

Таким образом, в своих мировоззренческих представлениях западные подольяне, как и жители всей Украины, издавна считали воду святой и очищающей. Ей часто приносили жертвы в форме денег и других ценных вещей, считая одним из древних божеств. В наибольшей степени вода как священный атрибут сохранилась в иорданской обрядности Западного Подолья. Во время праздника Крещения её освящали и окропляли ею дома и дворы от нечистой силы, приписывая воде священные характеристики. Некоторые из таких обрядов до сих пор бытуют у местных жителей.

ТЕРМИН «ДУНАЙ» В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ ЗАПАДНОГО ПОДОЛЬЯ

Образ воды-дуная чаще всего присутствует, по нашим наблюдениям, в украинских народных обрядовых песнях, в частности, в календарных. В их сюжетах нередко можно встретить и нимфу небесной воды, которая называется «белой девушкой» и всегда ассоциируется с водой: то она стирает ризы или рубашки на реке и носит ведрами воду, то плывет по синему морю на корабле, то,

11 Из этнографических записей О. С. Смоляка от О. В. Ткачик, 1929 г. р., образование высшее, учительницы из с. Мечищив Бережанского района Тернопольской области. Запись сделана 12.10.1999 (ЛАПС).

12 Свечи-«троицы» – один из главных атрибутов праздника Крещения. Три свечи, соединённые воедино, в христианстве символизируют три ипостаси единого Бога, а в народной обрядности приобрели значение универсального оберега, который использовался в различных жизненных ситуациях в течение года.

набирая воду из Дуная, падает в реку или просто плывет по воде и тонет. В этих ипостасях воды нетрудно узнать богиню Дану. Ведь воду в Украине в древние времена повсеместно называли дунаем, потому что дунай и есть вода (персидское *dhuni, don* – река). В «Слове о полку Игореве», как отметила П. Литвинова, дунай – это река, вода: «[н]а дунае Ярославны голос слышится», «[д]евушки поют на дунае» (Литвинова 1884: 696). В украинском народном творчестве дунай часто выступает с определением «тихий», что в явном виде характеризует первоначальную пассивную сущность воды.

У карпатских украинцев сохранилось предание о том, как царь-огонь вместе с царицей-водицей создали мир (Колесса 1938: 560). Подобные переводы встречаются в песнях других этнографических групп Украины. Создание мира также описано в лемковской колядке:

<i>Коли не було з нацпада світа,</i>	‘Когда не было с начала мира,
<i>Тогди не було неба і землі,</i>	Тогда не было неба и земли,
<i>А но лем було синєє море...</i>	А только было синее море...’

(Глушко 1991: 14)

Далее в колядке говорится, как взлетели два голубя, символы двуполой творческой силы, любви, и начали добывать из водной бездны мелкий песок-землицу. Пример древней лемковской колядки показывает, что вода была одним из начальных элементов творения мира.

В щедровках Западного Подолья термин «дунай» выступает в подавляющем большинстве случаев в трех формах: дунай – как собственно вода, дунай – как река (от малого ручья до большой реки), дунай – как безграничное далекое море или дальняя сторона.

В щедровках образ дуная ассоциируется чаще всего с рекой как водоемом:

<i>Пішла Маруся в дунай по воду.</i>	‘Пошла Маруся в дунай за водой.’
--------------------------------------	----------------------------------

(Якименко 1989: 153)

Не менее часто употребляется в песнях этого жанра образ дуная в значении моря. Особенно часто он встречается тогда, когда песенный герой мыслями или непосредственно удаляется от своего места пребывания:

<i>Та й зафайнули за тихий дунай,</i>	‘И уехали за тихий дунай,
<i>За тихий дунай, за Чорнеє море</i>	За тихий дунай, за Черное море’

(Там же: 110)

Данные примеры свидетельствуют о широкоаспектности термина «дунай», и это расширяет его образную палитру в обрядовом фольклоре.

В западнopoдoльских щедрoвкoвых сюжетах вода часто предстаёт в небесной стихии дождя, это передано, как правило, средствами гиперболизации и возведено к мифическому уровню:

Йа дощик каже: – Нема над мене! ‘А дождик говорит: – Нет выше меня!’
(Там же: 56)

Здесь мелкий дождик выступает как отдельное божество в системном ряду с другими персонифицированными явлениями природы, в частности, с солнцем и луной. Это свидетельствует о том, что в обрядовом фольклоре вода всегда фигурирует в паре со светоносными творческими началами – солнцем и луной.

В архаичных щедровках дунай-река выступает и как дорога-ориентир в далекие неизведанные миры (символически обозначенные как Царь-город):

Ой пустимoся на тихий Дунай, ‘Ой пойдём на тихий Дунай,
Краем-дунаем під Цар-город. Краем-дунаем под Царь-город.’
(Там же: 45)

В щедровковых текстах более позднего происхождения вода упомянута как элемент, сопровождающий христианских святых, особенно Божьей Матери и Сына Божьего Иисуса Христа. В таких христианизованных текстах Богородица, как и обычная женщина, «идет рано по воду», «стирает на дунае ризы» и т. п.

В щедровках Западного Подолья, как и в песнях других жанров, дунай-река выступает своеобразной преградой между влюбленными. Перескакивание через реку в песенной метафорике означает подчинение девичьего или вдовьего сердца:

Ой як я та скочу, дунай перескочу. ‘Ой как я и прыгну, дунай перепрыгну.’
(Там же: 91)

Такого рода образная передача содержания способствует влюбленной паре оставаться в рамках народной морали.

В щедровковых сюжетах вода – тихий дунай – служит и символом девичьей красоты (это свойственно и для бытовых песен). Интересна с этой точки зрения щедровка «Ой в саду пава ходила», в которой заложен глубокий смысл неприкосновенности девичьей чести:

<i>...Звивши віночок, пішли в таночок.</i>	‘...Свив веночек, пошли в танец.
<i>З таночка прийшла, по воду пішла.</i>	С танца пришла, за водой пошла.
<i>Ой пішла вона крайом-дунайом,</i>	Ой пошла она краем-дунаем,
<i>Крайом-дунайом, понад бережечком.</i>	Краем-дунаем, возле бережочка.
<i>Десь та взялися буйнії вітри,</i>	Где то и взялись буйные ветры,
<i>Ой віynuли, вінок скинули.</i>	Ой повеяли, венок сбросили.
<i>Вінок скинули, в дунай кинули.</i>	Венок сбросили, в дунай бросили.’

(Там же: 100)

В данном случае веночек – это символ девственности, а буйные ветры – символ измены, коварства, а то и бесчестья. Стоит отметить, что в песенном творчестве дунай-вода часто выступает с эпитетом-определением «тихий». Этот эпитет, по нашему мнению, характеризует воду-дунай как творческое и вместе с тем пассивное (успокаивающее) начало.

Интересна персонифицированная вода в веснянках и гаивках. По нашему мнению, самым распространенным в весенней обрядовой поэзии Западного Подолья является мотив бракосочетания. Здесь вода-дунай выступает как творческое начало, которое стремится к объединению со светоносным божеством – Ярилой. Ведь весенний период – это возрождение матери-природы, в том числе и человеческих чувств. В веснянках и гаивках вода-дунай чаще всего упомянута в паре с мужским началом, в частности, с образом парня – «Янчика-билоданчика»:

<i>Ти, Янчику-білоданчику,</i>	‘Ты, Янчик-билоданчик,
<i>Поплинь, поплинь по дунайчику.</i>	Поплыви, поплыви по дунайчику.’

(Шумада 1984: 77)

В этом примере «билоданчик» выступает в паре с «Янчиком». «Янчик» ассоциируется с молодым парнем-шалуном, который способен на любовную игру со своей парой. Этот мифологический персонаж («билоданчик») является ярким доказательством мужского творческого начала, который в сочетании с водой создает все живое в природе. Это еще раз подтверждает, что наши предки дуалистично понимали процесс создания мира.

Распространенным местом встречи молодых влюбленных в украинских песнях, в частности, в западноподольских гаивках, является кладка¹³. Здесь она служит символом сочетания (женитьбы) молодых. Кладку в украинских народных песнях часто сравнивают с красной ленточкой – символом девственности. Часто это место встречи молодых влюбленных, особенно, когда

¹³ Кладка – настил из досок, положенный через водную преграду или овраг; мостки.

они живут по обе стороны реки и встречаются на кладке, у воды-дуная. Вода, как символ размножения и бракосочетания, здесь выступает соединительным фактором, благоприятным местом для женитьбы молодых:

*До нас, до нас, паруб'ята, до нашої річки.
Помостили дівки кладку з червоної стрічки.
(Там же: 33)*

‘К нам, к нам, парубки, к нашей речке.
Помостили девки кладку из красной ленточки.’

В веснянках и гаивках вода-дунай часто окружена священным гаем¹⁴ как своеобразным оберегом. Здесь гай-дунай выступает в синонимический паре и является благоприятным местом для встреч влюбленных:

*Гаю, гаю, по дунаю, вибери си когось з краю.
(Там же: 87)*

‘Гай, гай, по дунаю, выбери себе кого-то из края.’

У воды (реки, пруда, озера) в народных песнях Западного Подолья, в частности, в гаивках, неверный парень нередко бесславит (позорит) беззащитную девушку. Здесь вода выступает в пассивной ипостати:

*Перебрела дві риченьки й половину ставу:
– Не вводь мене, козаченьку, в велику неславу.
(Там же: 47)*

‘Перебрела две реченьки и половину става¹⁵:
– Не вводи меня, казачок, в великое бесчестье.’

Этот мотив, как показывают исследования, часто встречается и в бытовых, и в эпических песнях, особенно распространен в любовных песнях и балладах.

Персонификация дуная-воды распространена и в свадебных обрядовых песнях. Здесь Дунай выступает преимущественно как глубокая или большая река, которая часто сопоставима с морем:

.....
14 *Гай* – роща, дубрава, чернолесье.

15 *Став* – пруд или запруда на реке.

Брести тобі дві річеньки, а третій Дунай.

– Та перебрела дві річеньки, а Дунаю – ні.

(Шубравська, Іваницький 1982: 94)

‘Брести тебе две реченьки, а третий Дунай.

– Да перебрела две реченьки, а Дуная – нет.’

В свадебных обрядовых песнях, как и в колядках и щедровках, вода-дунай часто выступает как антропоморфное божество, с которым люди общаются, у которого просят совета и т. д.:

Ой що ж ти, дунай, ізмовиш?

– Я вашого короваю не знаю,

Да берить водицю з криниці,

Ліпить коровай, молодиці. Гу!

(Там же: 215)

‘Ой что же ты, дунай, скажешь?

– Я вашего каравая не знаю,

Да берите водицу из колодца,

Лепите каравай, молодицы¹⁶. Гу!’

В этом сюжете, по народным представлениям, отмечено, что речная вода – плохой компонент для замешивания свадебного каравая. Для этого необходимо использовать только колодезную (родниковую) воду, и не из одного, а из трех, семи или двенадцати колодцев (эти поверья были распространены не только на Западном Подолье, но и во всей Украине).

Надо отметить, что в свадебных обрядовых песнях часто используется параллелизм «дунай-море – девичье горе», который передает представление о том, что семейная жизнь – это большое море, богатое разнообразными рифами, и перейти его беспрепятственно нелегко.

В песенном творчестве западных подолян умывание водой – символ бракосочетания. Этот мотив наиболее свойствен свадебной поэтике, особенно песням заключительного свадебного обряда, а именно, после «коморы»¹⁷, когда молодую и молодого вели для ритуального омовения водой:

Ой тихо, тихо дунай воду хитає,

А ще тихіше мати дочку питає:

– Що, ми тебе до дунаю та й поведемо?

(Там же: 701)

16 *Молодица* – молодая замужняя женщина.

17 *Обряд коморы* – это особый обычай первой брачной ночи, который был одним из основных в украинской свадебной обрядности до середины XX века.

‘Ой тихо, тихо дунай воду качает,
А еще тише мать дочь спрашивает:
– Что, мы тебя к дунаю и поведем?’

Как видно из этого примера, вода-дунай как символ – распространенное явление в сюжетике свадебных обрядовых песен Западного Подолья. Ведь у воды, как олицетворения пассивного творческого начала, идет подготовка будущей женщины к семейной супружеской жизни, к продолжению человеческого рода. Поэтому в свадебном обряде осталось много рудиментов, связанных с водой (кропление святой водой во время провожания в церковь к бракосочетанию, непосредственно при бракосочетании в церкви, обливание молодых после «коморы» и т. п.). Подтверждением этого является и тот факт, что до средневековья браки (умыкания¹⁸) в украинцев часто происходили у воды.

В западноподольских свадебных песнях, как и в календарно-обрядовых, употребляется символ кладки, на которой молодая девушка ждет своего любимого или стирает, отбеливает свадебные рушники:

<i>А на дунаечку кладочка лежала,</i>	<i>‘А на дунаечке кладочка лежала,</i>
<i>Кладочка лежала, молода стояла.</i>	<i>Кладочка лежала, молодая стояла.’</i>
(Там же: 259)	

Дунай как мифологизированный образ распространен и в западноподольских балладах (это дает основание относить данный жанр к древнейшим). Если в песнях календарно-обрядового и семейно-обрядового циклов дунай-вода или дунай-река выступает как доброе начало, в тихой успокаивающей форме, то в балладных песнях – чаще всего как «прожорливое чудовище», которое забирает к себе влюбленные пары или людей, изменивших друг другу. Здесь дунай также фигурирует как быстрая, глубокая и неумолимая вода-река, которая становится для людей местом вечного упокоения:

<i>Буде вिति ще й лаяти,</i>	<i>‘Будет выть еще и ругать,</i>
<i>До дунаю посилати:</i>	<i>К дунаю посылать:</i>
<i>– Йди, мила, утопися,</i>	<i>– Иди, милая, утопись,</i>
<i>Бо ти мені не годишся.</i>	<i>Потому что ты мне не годишься.’</i>
(Дей, Ясенчук, Іваницький 1988: 77)	

В балладных песнях присутствует и тематическое блокирование, в котором встречается персонифицированный образ Дуная – он представлен

18 Умыкание – похищение молодой девушки из другого рода для бракосочетания.

пагубной стихией. В песнях-балладах о детоубийце (девушка или женщина бросает в дунай своего незаконно-рожденного ребенка) является подтверждением сказанного:

<i>Вийшла вдова молода,</i>	‘Вышла вдова молодая,
<i>Породила сини два,</i>	Породила сына два,
<i>В китай чистий сповила,</i>	В китай чистый спеленала,
<i>В тихий дунай пустила.</i>	В тихий дунай пустила.’

(Там же: 25)

Распространены в западноподольском песенном творчестве, в балладах, также мотивы об утоплении в дунае старых нелюбимых мужчин и женщин (женщина посылает старого нелюбимого мужа за калиной к дунаю, он тонет; человек бросает нелюбимую женщину в дунай за измену, а потом сожалеет, и т. д.). В местных балладах распространены и мотивы об утоплении в дунае безрассудных и неверных девушек или молодых (баллады о Хаимочке, о мастеровой и др.):

*Ідуть нічку, ідуть другу – вже нема села:
 Приїхали аж на третю близько дуная.
 Та й узяти Хаїмочку за білі боки,
 Та пустили Хаїмочку в дунай глибокий.*

(Там же: 138)

‘Идут ночку, идут вторую – уже нет села:
 Приехали аж на третью ближе к дунаю.
 И взяли Хаимочку за белые боки,
 И пустили Хаимочку в дунай глубокий.’

В этой балладе дунай выступает не только в непосредственной ипостаси воды, но и как далёкая чужая сторона.

Приоритетным в балладной песенности есть образ дуная в состоянии реки («как я пойду к Дунаю ножа полоскать»; «ходит Иван около Дуная»; «бросили Петруся в Дунай глубокий»; «пошла твоя Марысенька в Дунай хустки стирать» и т. п.).

Частыми в балладах есть метафорические сравнения материнских слез с разливом дуная, где дунай-вода олицетворяет человеческое горе:

Де матінка плаче, там дунай розлився. ‘Где матушка плачет, там дунай разлился.’

(Там же: 342)

Аналогичный персонифицированный образ дуная присущ и поэтике западнородольских народных песен о любви. В них, как и в балладах, одним из самых распространенных выразительных средств, связанных с дунаем, являются параллелизмы. Они, как правило, часто используются в тех фрагментах, когда в сюжетах есть упоминания о милой (милом), в частности, во время возникновения интимных чувств:

<i>Я буваю край дуною,</i>	‘Я бываю рядом с дунаем,
<i>Все тя, мила, споминаю.</i>	Всегда тебя, милая, вспоминаю.’

(Стельмашук, Медведик 1989: 334)

В этом примере вода – один из древнейших поэтических образов, который гармонично трансформировался в художественно-выразительное средство.

Образ кладки, особенно в параллельном сопоставлении, также присутствует в любовных песнях Западного Подолья. В следующем примере кладка символизирует средство отворота, а скорее, предостережение бедной девушке не выходить замуж за богатого:

Не піду я на кладочку, бо кладочка гнеться.
Не піду я за багача, нехай западеться.
 (Фільц 1989: 53)

‘Не пойду я на кладочку, ведь кладочка гнётся.
 Не пойду я за богача, пусть пропадает.’

В социально-бытовых песнях, которые в исторической ретроспективе представляют песенные жанры позднего происхождения, образ дуная встречается реже. Здесь он проявляется, скорее всего, из-за ассоциации с «далекой стороной» как, собственно, и название реки Дунай, хотя и в этом случае дунай как река и море также персонифицирован:

Ой коню ж мій, коню, коню вороненький.
Скажу тя продати за Дунай тихенький.
 (Стельмашук, Медведик 1993: 48)

‘Ой конь мой, конь, конь вороной.
 Велю тебя продать за Дунай тихонький.’

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, образ воды-дуная в различных ее свойствах, формах и значениях часто использовали как в календарных обычаях и обрядах Западного Подолья, так и в обрядовых и необрядовых песнях, бытующих в исследуемом регионе. Вода-дунай, как одно из животворящих начал, в большей степени сохранилась в календарных западноподольских обычаях и обрядах и является важнейшим их элементом. Чаще всего её использовали во время праздников зимнего цикла при освящении домов, дворов, хлебов, конюшень, пчельников и других хозяйственных сооружений. В исследуемом регионе воду нередко использовали как оберег от нечистой силы. В домашнем быту ее применяли также для лечения от сглаза, заговоров, болезней и т. п. Воде как божеству в обрядах Западного Подолья в древний период приносили жертвы: монеты, продукты и другие ценные вещи. Освященную воду хранили под иконами до следующего Крещения.

В песенном фольклоре Западного Подолья вода-дунай чаще всего фигурирует в разных ипостасях: как собственно вода, как река, как озеро, как море или океан, как далёкая сторона, а также в форме стихий – дождя, грозы, снега. Это свидетельствует о ее разнообразии, которое служит для усиления художественно-выразительных средств в народнопесенном творчестве. Образ воды выступает своеобразной интимной связью между молодыми влюбленными парами.

В западноподольских песнях вода-дунай также воспринимается как дальняя дорога или чужая сторона. Такой образ встречается в социально-бытовых и семейных песнях – балладах, казацких, любовных. Вода является одним из выразительных средств в сопоставлении образов. Здесь она выполняет функцию углублённого восприятия художественного образа, в частности, образа молодой девушки или парня.

Благодаря широкому использованию образа воды-дуная в народном песенном творчестве Западного Подолья, он и в настоящее время не теряет основной художественной ценности, таким образом сохраняя представление о древности персонификации воды как одного из животворящих начал.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Болтарович З. Є., Скрипник Г. А. 1994. «Світоглядні уявлення та вірування», кн.: *Поділля: історико-етнографічне дослідження*, Київ: Вид-во незалежного культурного центру «Доля».
- Будилович А. С. 1875. *XIII словъ Григорія Богослова в древнеславянскомъ переводе по рукописи Имп. Публичной Библиотеки XI века*, Санкт Петербургъ: Типографія Императорской академіи Наукъ.

- Велецкая Н. Н. 1978. *Языческая символика славянских архаических ритуалов*, Москва: Наука.
- Воропай О. 1991. *Звичаї нашого народу: етнографічний нарис*, т. 1, Київ: Мале видавничче підприємство «Оберіг».
- Глушко М. С. (упор.) 1991. *Колядки і щедрівки*, Київ: Музична Україна.
- Гнатюк В. 2000. *Нарис української міфології*, підгот. та опрац. тексту, вступ. ст. і прим. Р. Кирчів, Львів: Інститут народознавства НАН України.
- Дей О. І., Ясенчук А. Ю., Іваницький А. І. (упор.) 1988. *Балади: родинно-побутові стосунки*: збірник текстів, Київ: Наукова думка.
- Драгоманов М. П. 1876. *Малоруські народні предання і розповіді*, Київ: Изд. Юго-Западного Отдела Императорского Русского Географического Общества.
- Іларіон митрополит 1994. *Дохристиянські вірування українського народу*: історично-релігійна монографія, видання друге, Київ: АТ Обереги.
- Килимник С. 1994. *Український рік у народних звичаях в історичному освітленні*, т. 1: *Зимовий цикл*, кн. 1, Київ: АТ Обереги.
- Колесса Ф. 1938. *Українська усна словесність: загальний огляд*: вибір творів із поясненнями та нотами, Просвіта, Львів: [б. в.].
- Кононенко А. А. (сост.) 1993. *Персонажи славянської міфології*: рисований словарь, Київ: Корсар.
- Костомаров М. І. 1992. «Слов'янська міфологія (Витяг із лекцій, читаних в Університеті Св. Володимира в другій половині 1846 року)», кн.: *Хроніка 2000. Наш край*, вип. 1., Київ: Довіра, с. 34–51.
- Литвинова П. Я. 1884. «Два повідомлення о народныхъ верованіяхъ», *Київская старина*: ежемісячний історический журналъ, годъ третій, томъ VIII, апрель, с. 695–697.
- Нечуй-Левицький І. 1992. *Світгляд українського народу (ескіз української міфології)*, Київ: АТ Обереги.
- Плачинда С. П. 1993. *Словник давньоукраїнської міфології*, Київ: Укр. письменник.
- Повість... 1989. *Повість минулих літ*: літопис, переклад. В. Близначя, Київ: Веселка.
- Потебня А. А. 2000. «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий», кн.: А. А. Потебня. *Символ и миф в народной культуре*, Москва: Лабиринт, с. 92–328.
- Слово... 1986. *Слово о полку Ігоревім*, упоряд. та прим. О. Мишанич, Київ: Радянська школа.
- Стельмашук С. І., Медведик П. К. (упор.) 1989. *Пісні Тернопільщини: календарно-обрядова та родинно-побутова лірика*: пісенник, вип. 1., Київ: Музична Україна.
- Стельмашук С. І., Медведик П. К. (упор.) 1993. *Пісні Тернопільщини: історичні, баладні, жартівливі, танцювальні пісні та коломийки, пісні літературного походження і романси*: пісенник, вип. 2, Київ: Муз. Україна.
- Фільц Б. М. (упор.) 1989. *В чарах кохання: українські народні пісні про кохання*, Київ: Мистецтво.
- Чубинский П. П. 1872. «Труды этнографическо-статистической экспедиции въ Западно-русский край, снаряженной императорскимъ географическимъ обществомъ», кн.: *Матеріали и изслѣдованія*, т. 3: *Народный дневникъ*, изд. подъ наблюдениемъ Н. И. Костомарова, С.-Петербургъ, с. VIII.
- Шубравська М. М., Іваницький А. І. (упор.) 1982. *Весільні пісні у 2-х книгах*, кн. 1, Київ: Наукова думка.
- Шумада Н. С. (упор.) 1984. *Веснянки: українські народні пісні*, Київ: Дніпро.
- Юрченко П. 1880. «Путешествіе по Россіи Голландца Стрюйса», кн.: *Русский архивъ издаваемый Петром Бартечевымъ*, кн. 1: *Год осмнадцатый*, Москва: Типографія Лебедева, с. 5–108.
- Якименко Н. Д. (упор.) 1989. *Щедрий вечір: українські народні пісні*, Київ: Музична Україна.

Vandens įvaizdis Vakarų Podolės tradicinėse apeigose ir dainose

OLEH SMOLIAK, PAVLO SMOLIAK, OKSANA DOVHANJ

S a n t r a u k a

Raktažodžiai: vandens įvaizdis, Vakarų Podolė, liaudies dainos, pasaulėžiūra, dainų rinkiniai, nacionalinė kultūra.

Straipsnyje išsamiai aprašomas vandens įvaizdis Vakarų Podolės tradicinėse apeigose ir ypač žiemos ciklo kalendorinėse apeiginėse dainose, – jose labai dažnai aptinkami *vandens* sąvokos sinonimai. Tiriama folkloro ir etnologijos šaltiniai, leidę atlikti įvairiopą vandens, kaip neatsiejamo žmogaus gyvenimo palydovo, analizę.

Išryškinta vandens svarba senovės slavams, ypač – ukrainiečiams. Senovės slavai garbino upes, ežerus, šulinius ir šaltinius, aukojo jiems aukas. Ukrainiečių protėviams svarbiausia vandens deivė buvo Dana. Jie gerbė ją kaip šviesią ir malonią dievybę, suteikiančią gyvybę viskam, kas gyva. Kaip tik todėl slavų didžiausių upių pavadinimai ir yra kilę iš žodžio *dana*. Pavasario lietus, o ypač griaustinis turi panašią galią: lietus yra dangiškojo vandens elementas, o griaustinis – dviejų gyvybę suteikiančių pradų – vandens ir šviesos – derinys.

Tiriant nacionalinės kultūros paveldo raiškas, pirmiausia aptariama vandens reikšmė tradicinėje Vakarų Podolės pasaulėžiūroje. Sakramentalinės vandens savybės užfiksuotos daugelyje burtų ir užkeikimų, juose aiškiai pastebimos vandens personifikacijos ir dieviškumo liekanos. Plačiai paplitęs vandens naudojimas magiškiems tikslams aiškinamas tradiciniu vietos gyventojų tikėjimu jo apvalomuoju efektu ir gydomoju poveikiu visiems aplinkiniams daiktams ir objektams. Pašventintas *Jordano vanduo* Vakarų Podolėje buvo laikomas galinga apsauga nuo visų piktųjų dvasių, būtinu gydamosios ir ekonominės magijos atributu. Kaip ir daugelyje kitų Ukrainos etnografinių regionų, čia buvo žinomas paprotys kalendorinių žiemos švenčių apeigų metu maudyti vandenyje, kad kūnas būtų sveikas ir stiprus. Šis ritualas gyvuoja iki šiol kartu su kitomis šiuolaikinėmis tradicijomis.

Remiantis senųjų Ukrainos krašto tradicinių dainų rinkiniais, *dunojaus* sąvoka dažniausiai pasitaiko Vakarų Podolės liaudies dainose. Nustatyta, kad šio krašto dainų poetiniuose tekstuose *dunojaus vanduo* dažniausiai išreiškiamas sinonimiškais versijomis: kaip pats vanduo, kaip upė, ežeras, jūra, vandenynas ar kiti vandens pavidalai – lietus, sniegas, taip pat kaip tolimas kraštas. *Dunojaus vanduo* kaip simbolis ypač dažnas Vakarų Podolės vestuvinėse dainose. Prie vandens, kaip pasyvaus personifikuoto kūrybinio prado, būsimoji moteris ruošiasi vedybiniam gyvenimui, gyvybės pratęsimui. Mitologizuotas *dunojaus* įvaizdis dažnas ir Vakarų Podolės liaudies baladėse. Jose vanduo veikia kaip bekompromisė dievybė, į savo fatališką glėbį paimanti jaunųjų poras ar atskirus šeimos narius, išdavusius vienas kitą, taip pat kaip greitas, gilus ir nenugalimas vandens srautas, žmogui tampantis mirties vieta. Socialinio pobūdžio tradicinėse Vakarų Podolės krašto dainose *dunojaus* įvaizdis aptinkamas rečiau; paprastai jis asocijuojasi su „tolimaisiais kraštais“, taip pat gali reikšti ir *Dunojaus* upės pavadinimą.

The Image of Water in the Traditional Rituals and Folksongs of the Western Podolia

OLEH SMOLIAK, PAVLO SMOLIAK, OKSANA DOVHANJ

Summary

Keywords: image of water, Western Podolia, folksongs, worldview, folklore collections, national culture.

The article provides a detailed discussion of the image of water in the traditional rituals of the Western Podolia. The synonymous representations of water are particularly numerous in the ritual calendar songs of the winter cycle. The article focuses on the sources of folklore and ethnology providing grounds for an exhaustive analysis of the water image as an inherent part of the human life.

The article elucidates the importance of water in the ancient Slavic and particularly in the Ukrainian culture. The ancient Slavs have been recorded as worshiping and bringing sacrifices to the rivers, lakes, wells and springs. The most important water goddess for the Ukrainian ancestors was Dana, venerated as a bright and benevolent deity that would ensure life to all the living things. Therefore, the names of the greatest Slavic rivers derive from the word *dana*. Similar power is ascribed to the spring rain and thunder. Rain embodies the celestial water element, while thunder combines two life bringing principles – water and light.

The analysis of the national cultural heritage primarily brings forth the importance of water in the traditional worldview of the Western Podolia. The sacramental aspects of water are prominent in numerous charms and spells, which distinctly reveal personification of water and surviving reflections of its divine quality. The broadly popular magical uses of water are interpreted on the grounds of the traditional local belief in its cleansing effect and healing abilities applied to all the surrounding objects. The consecrated *Jordan water* that was believed to provide powerful protection from all the evil spirits was regarded in Western Podolia as an indispensable attribute of all the healing and economical magic. In Western Podolia, as in many other ethnographic Ukrainian regions, the traditional bathing in water during the calendar winter festivities was widely practiced for the purposes of ensuring physical health. This ritual has survived until nowadays along with other contemporary traditions.

According to the old Ukrainian collections of the traditional folksong texts, the notion of *dunai* is most frequent in the folksongs from the Western Podolia. In the lyrics of these songs the water of *dunai* commonly occurs in such synonymous manifestations as the water as such, as a river, as a lake, as a sea or an ocean, and as other shapes of water (rain or snow), also – as a faraway country. Symbolic representations of the *dunai* water are particularly frequent in the wedding songs from the Western Podolia. Water as personified passive side of creation provides typical environment for the woman to make herself ready for entering the matrimony and for ensuring the continuation of life. The mythical image of *dunai* is rather widespread in the traditional ballads from the Western Podolia as well. Here, the water appears as a relentless deity extending its fatal embrace to accommodate the young married couples or individual family members that have betrayed each other, or as a fast, deep and overwhelming stream that proves deadly to people. In other traditional socially engaged folksongs from the Western Podolia the image of *dunai* is considerably less frequent. Here, it is mostly identified with the “faraway lands” and can acquire the actual meaning of the Danube River.